

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. В. Чеснов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ АБХАЗОВ

Абхазский язык лингвисты относят к числу фонетически самых богатых из всех языков Земли. По-моему, до сих пор специалисты не могут договориться, сколько же звуков может произнести носитель абхазской речи. Кажется, больше 60. Академик Н. Я. Марр изучал абхазский язык в селе Джгерда. Народная молва гласит, что там он выучил его за две недели. Рассказывают: когда в Петербурге на заседании Академии наук Марра попросили воспроизвести звучание абхазской речи, он взял в руку коробочку с морскими камнями, потряс ее. Этот случай я рассказал, чтобы как-то оправдать всю условность воспроизводимых далее некоторых абхазских слов.

Ссылка на пребывание Марра в Джгерде важна и потому, что в этом селе я впервые начал записывать народные этимологии абхазских слов. Кстати, лингвисты к таким толкованиям происхождения слов относятся крайне скептически. Но для этнографа народная этимология раскрывает то, что народ считает важным, значащим для жизни, т. е. проясняет особенности этнического восприятия мира. Все нижеследующее в значительной мере основано именно на таких этимологиях, а также на языковых метафорах. Не берусь судить, сыграло ли роль исключительное богатство звуков языка или это идущая от предков высокая ораторская культура, но мои абхазские собеседники независимо от образования всегда проявляли склонность к утонченным этимологическим рассуждениям. А может быть, попросту была права графиня Уварова, которая выделила созерцательность как особую черту абхазов¹.

Во всяком случае наша беседа в Джгерде несколько лет назад со 100-летним Сикуа Сангулиа определенно имела философский оттенок. Был поздний вечер. Мы сидели у очага. Я спросил, с какой стороны положено класть топливо в огонь. Сикуа ответил, что, конечно же, продвигать справа налево и что все надо делать в таком порядке — ведь правая сторона почетная, она и должна давать направление движению. Пока я это записывал, Сикуа, глядя в огонь, сказал, что мелкие сухие дрова для растопки называются *афархь*. Он добавил, что в этом слове присутствует имя божества молнии Афы, «потому что от его искры зажигаются сухие дрова». По мнению Сикуа, *афархь* — очень древнее слово, ибо оно сохранилось от того языка, «который был дан природой». Такова ли настоящая этимология слова, я не знаю. Может быть, оно и не связано прямо с «Афы», а имеет ностратическую основу, т. е. родственно нашему «хворост» и английскому «forest». Но важно, что мой собеседник стал излагать целую концепцию мира, в центре которой находятся огонь, солнце, свет и видение как основа человеческой ориентации в мире.

Беседы такого рода случались не раз. Если суммировать услышанные суждения о свете и видении, то получится примерно такая картина. «Природа» — по-абхазски *ансабара*. Слово это состоит из *ансы* (душа) и *бара* (видеть) и воспринимается со смыслом «то, что душа видит». Зрительный контакт человека с природой в абхазских представлениях не просто выражает один из способов восприятия. Такой контакт этически окрашен. Это подчеркивается представлением о том, что природа показывает человеку лучшее и нужное для него, если он этого заслуживает. От дурного охотника она, например, скрывает дичь.

Тема источника света, выручающего человека в необходимый момент, часто встречается в фольклоре. Знаменем охотничьего счастья может оказаться встреча с туром или оленем со светящимися рогами. Есть народное поверье, что ночью иногда внезапно виден свет, все озаряющий кругом. Считается, что это «раскрылись врата неба». Тогда надо быстро загадать желание, и оно непременно исполнится. В абхазском мифопоэтическом восприятии свет всегда ассоциируется с жизнью и добром. У каждого человека на небе есть своя звезда, которая гаснет с его смертью. Примечательно, что древнее слово *анышь* (земля) некоторые абхазы (может быть, и неправильно, с лингвистической точки зрения) связывают с понятиями «мать» и «свет», т. е. воспринимают землю как свою светоносную мать.

Главным органом человеческого тела считаются глаза. Сердце также наделяется свойством видения. Например, если ночью идешь правильным путем — «идешь сердцем». Любовь — это видение хорошего: фраза «я тебя хорошо вижу» имеет смысл — «я тебя люблю». Достойное, совестьное поведение — *аламыс* в одной формуле. Примечательно, что *аламыс* произносится иногда *анамыс* и это идет от древнегреческого *номос*, попавшего в Абхазию через арабский и турецкий языки.

Почетный посох — *алабашу* тоже воспринимают как предмет, наделенный видением. О гостеприимстве говорят так: «ачеджика — открытые глаза». В старинных молитвах содержится просьба божествам: «Дай теплоту твоих глаз...».

Мой друг рассказывал мне о своем детстве: «Маленьким меня взяли в горы. Там был один человек из старших, который особенно хорошо ко мне относился, всегда помогал. Как будто он был рядом, даже когда отсутствовал, как будто он меня везде видел. Однажды я сидел над обрывом на согнутом стволе дерева. Вдруг услышал его свист, которым он звал меня, и слова: «Ты не бойся, сиди спокойно. Он тебя не тронет». И тут только я заметил, что внизу находится медведь». В этом рассказе видение взрослым ребенком означает не только зрительный контакт, но передает всю полноту внимания, заботы и ответственности.

Отношение к видению как к восприятию чего-то доброго, конечно, не только свойство абхазской культуры. Ведь и по-русски мы о хорошем и чем-то примечательном человеке говорим «видный человек», а если к кому-то по-доброму отнеслись — «его заметили», в слове же «ненависть» ощутим отказ видеть. Но в абхазской культуре поражает целостный взгляд на все существование человека как на его путь из темноты к свету.

Все знают древнегреческий миф о Сфинксе, задавшем загадку Эдипу о существе, которое ходит сначала на четырех ногах, потом на двух, наконец на трех. В этом мифе человеческий возраст ассоциативно связан с использованием конечностей для передвижения, причем в последней трети жизни человека появляется некая несоматическая часть — посох, необходимый для передвижения. Загадка Сфинкса выглядит как указание на совершенно заурядные бытовые ситуации. В Абхазии тоже удалось обнаружить символику возрастов человека, переданную через части его тела. Но явление оказалось гораздо сложнее: тело человека воспринимается так, будто оно заключает в себе какую-то световую субстанцию, укрытую сначала в ногах и с возрастом переходящую к голове. Если в загадке Сфинкса речь идет о физическом передвижении человека по горизонтали, то в абхазском представлении ясно выражена идея

движения жизни как вертикального подъема ее светового компонента от уровня Земли на космический уровень. Эти представления сопряжены с символикой основных возрастных групп в абхазском обществе.

Общее в абхазском представлении с загадкой Сфинкса состоит в том, что особое значение придается символике ног.

Рассмотрим, как решается вопрос о движении в мифопоэтической сфере абхазской культуры, т. е. той сфере, которая дает импульсы многим поступкам и оценкам — короче, этнически окрашивает все отношения человека с окружающим миром. Речь идет о реальности, которую активно строит этническая культура, в данном случае абхазская. В этой реальности особым значением обладают пространство и время.

Пространство в традиционной абхазской культуре имеет центр — неподвижную значимую точку: это человек, группа людей, дом, дерево, святилище, гора. Пространство, имеющее отношение к людям, наделяется их свойствами; оно разное у людей разного пола и возраста. Поскольку части такого пространства, его «куски» относительно независимы друг от друга, назовем его условно «локусным». Одна из важнейших особенностей рассматриваемого пространства, которой мы будем касаться, — искривление маршрута движения людей относительно центра.

Неподвижность центра выявляется в разных ситуациях общения. Большое значение в абхазской культуре придается месту сидения и самой позе сидения. В собрании сидят старший или гость. Неподвижность — свойство высокого статуса. С неподвижностью связаны представления о высоких ценностях. Так, ныне умерший Хсин Пилия, выдающийся человек, разносторонне проявивший себя в колхозном строительстве, в знании обычаев и фольклора, народной медицины и всего того, что можно назвать народной философией, говорил: «Те, кто не ушел в махаджирство (переселение в Турцию во второй половине XIX в. — Я. Ч.), проявили неподвижность». В Абхазии распространена пословица, формулирующая значение мужества, гостеприимства, доброты, взаимного уважения, которые входят в понятие *аламыс* (совесть): «Абхазский аламыс не сдвинешь с места». У абхазов сохранились следы культа безличных природных сил, называемых *аньхами*. О них говорят, что они «сидят» в своих святых местах. Бог охоты Ажвейпшаа постоянно сидит на своей постели. Вообще горы — как бы сидения богов. Создается впечатление, что с позой сидения ассоциируется представление о самом высоком статусе.

В таком случае ноги как органы передвижения получают низкий ранг. Отсюда отношение к небольшим ногам как к признаку женской и мужской красоты. Существовал обряд с обведением вокруг головы девочки золотого кольца, после которого, считалось, ноги ее не вырастут. В старину женщины носили сафьяновую обувь, сдерживавшую рост ступни. «Широконогий» — пренебрежительное название грубого, невоспитанного человека. Мясо голяшек, которое, по всеобщему мнению, вкусно, не может быть предложено гостю, это непрестижная пища. Очевидно, при низком символическом статусе ног создались благоприятные условия для возникновения представления о человеке, наделенном «счастливой ногой», — встреча с ним благоприятна, поэтому его просят на Новый год первым из не членов семьи войти в дом. В таком случае «счастливая нога» этого человека делает благоприятным вновь обживаемое пространство. Теперь мы можем поставить вопрос о той половозрастной группе, символика которой связана с ногами. Это наверняка группа женщин, находящихся в репродуктивном возрасте. Об этом красноречиво говорит обычай абхазов и соседних народов на трапезе давать ноги птицы девушкам семьи: «Вам уходить из дома, вам и ноги!» (Здесь связь из с перемещением чисто ситуационная, «житейская».) В идеале женской красоты изящество ног стоит на одном из первых мест. В старину у абхазов существовал обычай, согласно которому молодые женщины (чаще невестки) мыли ноги старшим членам семьи или гостям. Это символизировало возрастной статус женщин. Характерно, что

у абхазов и других народов Кавказа существует представление о «счастливой ноге», маркирующей скорее удачное начало времени, нежели пространство.

В мифологии многих народов ноги часто связаны с воспроизводством: вынашивание Зевсом детей в бедре, в колене, обряд сажания на колени у ряда народов, что знаменует признание отцом своего ребенка, и т. п. У абхазов бытует выражение «дети под коленом у тебя», выражающее заботу о малолетних. Потомство может быть метафорически названо «ногой кола».

Концентрация в ногах генеративных сил — более или менее установленный факт в работах, посвященных соматическим представлениям древних народов. Так, в семитских и индоевропейских языках термин для «колена» образует целое гнездо понятий со значением «порождать» и «познавать»².

Нам не удалось обнаружить специфического абхазского жеста для обозначения представительниц половозрастной группы женщин репродуктивного возраста. Международно распространенный жест — плавные вертикальные движения рук, обозначающие бедра, встречается редко. Абхазская культура вообще очень скупа в использовании знаков для обозначения нижней части тела. Но здесь нужно отметить, что привлекательно-знаковой для мужчины частью женского тела в абхазской культуре являются не бедра, а голени. Какое-либо их обнажение в старину было запретным. Выйти с усадьбы без носков считалось для женщины позором. Очевидно, в традиционной абхазской орнаментике изображением голени и всей женщины в репродуктивном возрасте является прямая вертикальная линия. По крайней мере так можно интерпретировать левую линию в знаке в виде буквы Н, распространенном на старых абхазских коврах³. Здесь правая линия с горизонтальной чертой — скорее всего фаллическое изображение мужчины. Не случайно в абхазском термине «вправо» в отличие от термина «влево» присутствует, казалось бы, непонятно почему формант «семец». Правая сторона — мужская, почетная — всегда активна: движение должно направляться справа налево. В пользу соображений о женской символике ног говорит и встреченное нами выражение «стояла как колышек до самого утра», принадлежащее пожилой женщине, которая описывала свои функции виночерпия в девичестве в доме отца.

Если ноги в метафорическом смысле символизируют вовсе не перемещение, а как бы означают неподвижную точку отсчета, то статусом органов движения в центрированном (локусном) пространстве наделены плечи. Выражение «плечи поют» означает желание куда-то идти. О заблудившемся абхазы говорят: «У него выбито плечо». «Идти плечом» означает движение без строго выбранного маршрута. Очевидно, это — движение по криволинейной траектории, потому что правильное движение, хотя и вслепую, например ночью, обозначается, как говорилось, выражением «идти сердцем».

Движение плечом, именно правым, ритуально выражает благоприятное действие. Это движение, направленное против хода солнца, трактуется как движение навстречу солнцу — самому почитаемому объекту. Можно назвать ряд ситуаций, в которых важным ритуальным элементом выступает круговое движение против хода солнца. Такое движение имеет специальное название — *акуахша*. Это и трехкратный обход матерью жениха, приведенной в дом невесты, и обход провинившегося человека вокруг священной кузницы — *ажирьы*, обрядовое круговое движение во время моления, трехкратный обход матери вокруг больного ребенка, что толкуется как ее желание принести себя в жертву вместо больного.

К акуахше очень близок женский жест приветствия (обычно это делают старушки), адресуемый родственнику или дорогому гостю: женщина на расстоянии около полуметра обводит правой рукой вокруг лица приветствуемого и затем касается его лба. Жест имеет значение — «чтобы я долю твоих несчастий себе забрала». После этого женщина обнимает гостя и целует в правое плечо. Семантика описанного жеста строится на воспроизведении структуры локусного пространства, которая состоит из неподвижной точки (в ней нахо-

дится приветствуемый) и пространства, описываемого круговым движением правого плеча вперед.

Криволинейная траектория воспроизводится также женщиной — хозяйкой дома, движущейся навстречу входящему в усадьбу гостю. Последний замедляет шаги (это символизирует неподвижность), хозяйка же идет к гостю по дуге, концы которой представлены выходом из дома (начало ее движения) и гостем (она останавливается в полутора-двух метрах от него). Дуга эта выгнута в левую от гостя сторону так, что женщина приближается к входящему правым плечом. Аналогичная структура воспроизводится во время поминального обряда, когда выражающие соболезнование пересекают двор по дуге правым плечом вперед, а мимо покойного проходят от его ног к голове.

Перемещение в локусном пространстве криволинейное, его необходимо соотносить с плечами, которые оказываются наиболее ориентированными в направлении движения (сравним воинскую команду поворота). Особенность абхазской культуры в том, что она последовательно наделяет плечи символикой высокого ранга. Между тем у большинства народов Европы плечи считаются непочетной частью тела. В христианских молитвах, например, избегали говорить о плечах из-за того, что на них носят груз. Рассмотрим поэтому подробнее абхазскую символику, связанную с плечами. Как и следовало ожидать, плечи оказались ассоциированными с заботами и тяжелой физической работой. «С плеч снял», — отвечает человек на вопрос о том, завершил ли он строительство дома или другую большую работу. Обычны, конечно, такие выражения о долге и ответственности, которые «лежат на его плечах». Но упоминание плеч («он все снял со своих плеч») в отношении человека, устроившего достойные поминки по родителям, уже немаловажно — плечи ассоциированы с родственниками. Это подтверждается рядом других выражений. «У него сломано плечо», — говорят о человеке, потерявшем близкого. «Что-то на плече у тебя есть», — иносказательное сообщение кому-то о смерти родственника. Ощущение шекотания в плечах считается дурной приметой. «Чтобы плечи были вместе» — пожелание здоровья братьям. Существует иносказательная форма сообщения о том, что у кого-то умер брат: «У тебя правое крыло умерло».

Можно предположить, что плечи олицетворяют в абхазской культуре родство молодых мужчин, младших, но деятельных членов родственной группы. Есть еще одно ценнейшее подтверждение этого факта. В горах у абхазских охотников и пастухов существует так называемый «охотничий язык», в котором для обозначения членов общины, разных объектов природы и вещей используется особая лексика. В горах младшие должны беспрекословно выполнять волю старших. Если все-таки младший мужчина лет до 30 нарушает этот обычай, то от старика он может услышать такую угрозу: «Я тебя за крылья возьму и выброшу». Под крыльями здесь подразумеваются руки и плечи. Материал по абазинам, близкородственным абхазам, подтверждает, что плечами обозначается группа мужчин молодого и деятельного возраста. Таков образ мужчины, плечом пахущего землю⁴. В абазинской сказке мужественные братья девушки в знак любви и уважения к сестре готовы ее носить на плечах⁵.

Метафорическая связь плечей с крыльями еще раз подтверждает их символическую функцию органов перемещения. Показательно также, что жест, означающий «мужчина молодого возраста», исполняется напряжением плеч и отведением их назад с одновременным поднятием грудной клетки.

В том, что голова в абхазской культуре символизирует старшинство, нет ничего удивительного. Стоит только отметить, что в разных ситуациях подчеркивается не сама по себе эта часть тела, а то, что она венчает тело. Голова может символизировать всего человека: «помолился о голове» означает, что человек молился о самом себе. В этом тоже ничего особенного для абхазской этнической культуры с общечеловеческой точки зрения. Очевидно, более специфическим и архаическим является обозначение старика термином «череп», встречающееся в некоторых местностях Абхазии. Нет ли в этом остатка

представления о возрастной группе стариков, «костяке», обрастающем плотью? В пользу такого предположения говорят и другие факты: анатомические термины обозначают категории родства. Так, абхазский термин «родство» состоит из слов «кожа» и «мускулы».

И еще одно заключение можно сделать по поводу бытования термина «череп». Оно касается пространственного мифопоэтического размещения возрастной группы стариков. Если группа молодых мужчин представляется как бы «летающей» (их плечи — крылья), то этой более почетной группе должен быть предназначен другой, очевидно, более высокий уровень пространства. Не случайно жестовое обозначение старика (причем этот жест обычно сопровождается ссылкой на стариков как авторитетную возрастную группу: «старика сказали», «старика там были», «наши старика») состоит в поднятии правой ладони над головой.

Чтобы объяснить возникновение соматической символики половозрастных групп, нам нужно обратиться к проблеме времени, соответствующего локусному пространству. Оно переложено на масштаб человеческой жизни. Начальная точка — рождение. Считается, что всю дальнейшую жизнь избирает сам человек, цель жизненного пути которого заключается в обнаружении, раскрытии себя для других, в том, чтобы другие тебя увидели. Огромное мотивационное значение «славы» — черта не только мужского, но и женского поведения. Наилучшей судьбой представляется такой жизненный путь, после которого остается в людях крепкая память о человеке.

Соматическая символика трех основных половозрастных групп соотносится не только с телом, но и со всей жизнью человека. Человек появляется на свет благодаря генеративным способностям группы молодых женщин. Жизнь его протекает в труде, олицетворенном усилиями рук и напряжением плечей. Смысл всей жизни должен обнаружиться в старости, старик — это «память», живое доказательство прожитой жизни. Человек, не совершивший должных поступков, не сказавший умных слов, запаздывает с возрастом. На мой вопрос о возрасте одного старого человека мне ответили: «Молодой еще, семьдесят лет недавно было». Сказано это было с насмешкой по адресу не очень уважаемого старика. Не случайно так сильно запаздывал брачный возраст абхазов в прошлом: обзаведение семьей считалось нормальным для мужчины чуть ли не к 40 годам, для женщины к 30—35 годам.

«Счастье днем в ногах, ночью в руках». Иногда уточняют, что днем счастье под ногтями ног, ночью — под ногтями рук. В некоторых вариантах речь идет не о счастье, а о душе. Эти выражения объясняют запрет стричь днем ногти на ногах (надо это делать ночью), а ногти на руках полагается стричь рано утром. Символика этого действия связана с воспроизводством самого человека: «Кто стрижет днем ногти на ногах, никогда не женится». Ноги связываются, таким образом, с темным временем суток, и поэтому они должны быть «невидимы», особенно у женщин.

Жизнь, осмысляемая через понятия души и счастья, появляется утром с солнцем. Солнце — всеобщее условие жизни, поэтому оно в абхазской культуре не наделено четкой половой характеристикой. Солнце — важнейший ориентир локусного пространства, на него направлено престижное движение правым плечом, моления. Существует поговорка «абхаз живет по солнцу», т. е. оно главный показатель времени. День кончается с заходом солнца, вечерние сумерки принадлежат уже следующим суткам. Время нахождения солнца в небе — символический атрибут молодого деятельного возраста, который приравнивается к полету. «Я тогда просто летал», — говорит о своих молодых годах пожилой охотник.

Задача высветить, сделать себя видимым, стоит прежде всего перед мужчинами. К старости мужчина должен сделать видимой свою «головную кость» (так этимологизируется слово «череп», которым называют почетного старика, старейшину). Женщина в репродуктивном возрасте видна сама по себе, благодаря

своей способности породить жизнь. В фольклоре она обладает светоносным телом, как мать нартов Сатаней Гуаша — мизинцем или волосами. Олицетворение старшего возраста в черепе, отношение к дожившим до этого возраста как перешедшим из невидимого состояния к видимому показывает, что время жизни в представлениях абхазов движется в теле человека от ног к голове.

Но жизнь оказывается больше жизни тела: жест для старика указывает, что она продолжается еще вверх, выше головы. В этом случае жизненный путь всего лишь отрезок на вертикальном луче жизни, идущем сквозь тело человека к его голове и далее вверх. По абхазским представлениям, выше человека находится божество. В традиционных молитвах часто говорится о его золотых ступнях. «Ежегодно твою ногу держим», — такое сообщение Богу-кузнецу делалось во время периодических семейных молений о здоровье. Жизнь, таким образом, протекает в определенном ритме: она порождается внизу в ногах, поднимается к голове и снова уходит в ноги космического существа.

В момент рождения человек обращен головой к ногам матери. Это подчеркивается в абхазском речении: «Где человек появился на свет вниз головою, там его родина». Голова, как и ноги, воспринималась в качестве генеративного органа. Поэтому мать Абрскила должна была для зачатия выпить пепел черепа. «Ты мой череп» — есть такое у абхазов ласковое обращение женщины к любимому человеку. Это все тот же круг идей.

Мы подошли еще к одному важному аспекту мифопоэтических представлений, ассоциирующих жизнь со светом. При «невидимости» (отсутствии света) у ног атрибутом света является голова. Спать положено головой на Восток, который противопоставляется темному Западу. Есть абхазское выражение: «То, что увидит глаз, стоит головы». Оно неоднозначно по смыслу — может толковаться как ценность виденного глазами, может относиться к совету не разглашать тайну. Но для нас сейчас важно, что в этом выражении приравнены световая природа глаза и головы.

Родившийся ребенок — носитель света. Если он умирает в младенческом возрасте, не говорят «он умер», но «он погас». Этот свет ребенка ассоциируется с космическим светом, в частности светом луны. «Будь светел, как луна» — такое пожелание делают взрослые новорожденному. Представление о появлении ребенка как результате нисхождения космического света встречается в эпосе разных народов Кавказа.

Но есть еще свет огня и очага. Такой огонь — тоже метафора жизни. Проклятие «чтобы ты воду пролил на свой очаг» означает пожелание смерти человеку. Если очень старый человек, умирая, сильно мучается, то из очага, находящегося рядом, берут горящее полено и кладут его в сторону, чтобы оно погасло. Жизнь, воспринимаемая в этой парадигме, получает также ассоциацию с пищей огня — деревом.

Бытует интересный фольклорный сюжет. Одному охотнику была предсказана смерть после того, как сгорит палочка, на которую он нанизывал мясо дичи, незаконно им убитой, чтобы поджарить. Он услышал это предсказание и сделал палочку из твердого тисса, приготовил мясо, а несгоревшую палочку спрятал в газырницу. Он жил так долго, что пережил своих правнуков и, чтобы умереть, просил вынуть палочку и ее сжечь. Очень дряхлого человека называют *атцлахюста* — «старое дерево».

Есть важное различие жизни, воспринимаемой как огонь, и жизни — света. В первом случае речь идет о короткой жизни одного человека, во второй — о бесконечно долгой жизни коллектива.

Время в единстве с локусным пространством образует время — пространство («здесь / теперь»). Как и у времени, у локусного пространства нет границ. Есть сгусток пространства вокруг человека. Перемещения в нем мгновенны. Если мужчине нужны крылья птицы, то женщина, в большей мере сопричастная этому пространству, должна овладеть всем локусом мгновенно, «невидимо». Весьма устойчивая черта женского идеала у абхазов — ее проворность, ско-

рость ее работы, например в подготовке стола для гостя. И ее деятельность не должна быть заметной постороннему глазу. «В мгновение ока» или «за один вздох» — вот высшая похвала этим качествам.

Ассоциация плодоносной силы женщины со сгустком пространства / времени объясняет старый обычай вставать мужчинам, даже пожилого возраста, перед женщиной. Это же генеративное могущество женщины может объяснить отсутствие жениха на абхазской свадьбе. Это, возможно, подчеркивает самостоятельную роль женщины в порождении жизни.

Цель жизни, состоящая в том, чтобы сделаться «видимым», предполагает следование этическим нормам. Этическим содержанием наполнены отношения людей в пространстве. Отсюда глубокое уважение к соседям, свойственное абхазской культуре: «Родственники — кровь, а сосед — сердце». Даже в понимании возрастных ступеней обнаруживается этический принцип — каждому возрасту присущи свои этические нормы.

Эти принципы, распространенные на природу, сообщают абхазской культуре экофильный характер. Человек, находящийся в природе, для нее «видим». Отсюда абхазские обычаи, заключающиеся в том, что даже в горах или лесу человек ведет себя так, будто за ним кто-то наблюдает. Это касается его поступков, скрытого отправления надобностей, бережного отношения к растениям и животным. Охотник может убить только то животное, которое «покажет» ему бог охоты Ажвейпшаа. В минуты отчаяния человек просит бога дать ему «теплоту своих глаз», т. е. дать возможность его увидеть. Такая этика согласуется с экофильной позицией, характерной для традиционной абхазской культуры.

При всем этом экофильные черты абхазской культуры не есть только результат адаптации к окружающей среде. Между средой и традиционным абхазским обществом существует дистанция, которая вызвана рассмотренными представлениями о жизни. Это позволяет обществу целенаправленно проявлять свою экофильную позицию. Последняя выражена в массе пословиц и в нормах, регламентирующих отношение к природе. Весь комплекс традиционной абхазской культуры имеет не только земледельческую или животноводческую основы. Немаловажный элемент этого комплекса связан с охотой, окруженной ореолом престижности. Охота — та сфера, где наиболее ощутимы этические принципы, связанные с вмешательством человека в вопросы жизни и смерти.

До недавних пор охота, а также горное пастушество были наиболее экофильными отраслями абхазского хозяйства. Важно, что идеалы жизни в горах, основанные на уважении к природе и к старшим, давали образцы для поведения в обычных сельских условиях. И здесь, в горах, проявлялась и до сих пор проявляется в восприятии людей светоносная сущность жизни. То, что природа «видит» и поэтому человек должен соответственно себя вести в горах (например, купаться, только чем-то укрывшись) — хорошо известный факт абхазской этнографии.

Мы хотим обратить здесь внимание еще и на другое: охотник и пастух находятся в таких же отношениях к добытой дичи и приплоду домашних животных, как мать к ребенку. Может быть, это похоже на правду для тех, кто видел, как пастух обращается с новорожденными козлятами. Но аналогия здесь глубже. Существует внутренняя связь охотничьих обычаев с брачными обрядами: удачливого охотника также осыпают символическим «благополучием» (зерно, листья), как и невесту, и т. д.⁶ Но ведь охотник еще и «невидимый». Он уходит с рассветом, никем не замеченный. От убитой дичи он получает голову. Это его «световая» доля. Приведенные факты говорят о том, что и на охоте жизненный процесс зарождается в символической темноте и стремится к свету, к видимой сущности. А с другой стороны, частица жизни, охотничья добыча посылается из той природы, которая «видит» из мира света. Охотник только своим мужеством, терпением и скромностью может заслужить доверие прекрасной дочери бога Ажвейпшаа, волосы которой светятся во тьме. Теперь можно

понять того моего абхазского друга, который мне говорил: «Ты знаешь, я просто с ума схожу, если долго на охоте не был».

Весь изложенный материал показывает, что истоки специфических абхазских представлений относительно жизни надо искать в эпохах, явно предшествовавших производящим формам хозяйства. Судя по сильным экофильным традициям, которые образуют с рассмотренными воззрениями один комплекс, форма охоты абхазских предков вряд ли была степной, скорее — горной. Ведь в горных условиях необходимо строжайшее поддержание экологического равновесия. Думается, и отношение к человеческой жизни с подчеркиванием ценности всех ее этапов связано с обитанием замкнутых общин в горах. Можно было бы для полноты освещения проблемы генезиса кое-что сказать и о других, например степных, компонентах абхазской культуры, о воздействиях на нее со стороны мировых религий. Все это прибавило бы фактов к расшифровке загадочно развитых концепций жизни. Что касается собственно древнегреческой загадки Сфинкса, то она выглядит, пожалуй, упрощенно в сравнении с абхазскими представлениями, в которых с гораздо большей силой выражена идея вертикального хождения человека и его устремлений вверх.

Примечание.

¹ Уварова П. С. Путевые заметки. Ч. 1. М., 1887. С. 65.

² *Hilglerker H.* «Zeugen», «Wissen» und «Knie» im Semitischen und Indogermanischen Sehen // *Anthropos.* 1927. Bd 22. Hf 5—6. S. 1000—1003.

³ *Малия Е. М.* Народное изобразительное искусство абхазов (ткани и вышивки). Тбилиси, 1970; см. также: К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов // *Изв. Абхаз. ин-та языка, литературы и истории.* Тбилиси, 1972.

⁴ *Абазинские народные сказки / Примеч. В. Б. Тугова.* М., 1985. С. 374.

⁵ Там же, с. 387.

⁶ *Акаба Л. Х.* У истоков религии абхазов. Сухуми, 1979. С. 40—41.